

ПОДПОЛЬЩИКИ

Было это в черные дни немецко-фашистского нашествия на нашу повгородскую землю. Молодой коммунист из поселка Поддорье Павел Афанасьевич Васькин получил в Ленинградском обкоме партии боевое задание — организовать на временно оккупированной врагом территории Волотовского, Белебелковского, Старорусского и Поддорского

районов подпольные патристические группы. Им была поставлена задача — вести пропагандистско-агитационную работу среди населения, собирать разведывательные данные о враге. Ниже рассказывается о славных делах подпольщиков, возглавляемых П. А. Васькиным.

нутую на глаза мокрую слезку, долго вслушивался в шум дождя. Вспомнился Ленинград, обком партии.

... Думаем поручить тебе ответственное дело, — сообщил секретарь обкома Бумагин. И сразу же спросил: — За Старой Руссой приходилось бывать?

— Да, работал учителем в Поддорском районе, затем инструктором райкома комсомола, а перед войной — в сберегательной кассе...

— Вот и хорошо. В те края и направим.

— Я бы хотел на фронт...

— Он скоро там будет. Тебя назначаем руководителем разведывательной подпольно-патристической группы. Явки получишь здесь... Ну, как, Павел Афанасьевич, согласен?

— Спасибо за доверие...

Убедившись, что на улице никого нет, Вась-

кин подошел к дому Александра Немкова, разглядев на окне условный сигнал "все спокойно", легко стукнул несколько раз в раму.

В коридоре зашкрипели половицы, затем сипловатый голос спросил: "Кто там?"

— Из города, от Орлова, — последовал тихий ответ.

Брякнула щеколда, и ночной гость быстро вошел в приоткрытую дверь.

— Проходи в избу. Я один. Сейчас копилку зажгу, — пригласил гостя в дом Немков.

— Огня не зажигай, поговорим и так, — остановил Александра Васькин. — Ты лучше Расскажи, как немцы себя ведут?

— Мародерничают...

Почти все население ограбили... Сходку недавно собрали. Старостой Егорова назначили. — При-

этих словах Немков сплунул и с гневом добавил: — Сволочь он оказался, настоящий немецкий прихвостень...

— Придет время со всеми выродками рассчитаемся, — твердо проговорил Васькин, — а сейчас будем продолжать распространение листовок и газет. Кроме того, командование Красной Армией просит собрать данные о расположении немцев, их вооружении, расположении складов, продвижении танков, орудий... Мы обязаны дать самые точные сведения.

— Постараемся, — заверил Александр и, заметив, что гость не раздевается, спросил: — Ты что, разве не заночуешь?

— Меня в Верхневождут... Да, кстати, партизаны в оружии нуждаются, если что будет можно достать — немедленно сообщи мне. — И уже выйдя в сени, Васькин тихо спросил: — А как второго связанного, подобрали?

— Да, кроме Тани, будет ходить и Миша Васильев.

— Кто он? Я что-то его не помню, — переспросил Павел Афанасьевич.

— Пионер, сын учительницы Натальи Павловны. Очень смысленный паренек... Мать не возражает...

— Добро. Ну, а теперь пока... — Попрощавшись, Васькин вышел из дому. Дверь захлопнулась, и ночная темнота вновь поглотила запоздалого путника.

Дождь лил как из ведра.

КОГДА на другой день Немков пришел к бывшему учителю — члену

подпольной группы Иванову, тот перебирал свою библиотеку.

— Чем занимаешься? — спросил Александр.

— Вот думаю кое-что припрятать, а то неровен час полиция нагрянет...

Немков поднял со стола томик Ленина, бережно смахнул рукавом тонкую пыль и произнес: «Я к вам по делу, Александр Иванович». И рассказал ему о ночном разговоре с Васькиным.

— Сведения будут, — твердо заверил Иванов. Встретив вопросительный взгляд Немкова, добавил:

— Связь с нашими в других сельсоветках налажена хорошо. Кроме того, помнишь бывшего уполномоченного "Лензаготторга" Петра Мановского? Так вот, его немцы начальником управы в Волоте назначили — Подумав, добавил: — Видно, сволочь он закоренелая, но не в этом дело. Недавно встретил он меня, узнал, предложил работу в управе... Я думаю надо воспользоваться приглашением.

— Это дело, — поддержал Александр.

— Ну, а с оружием будет трудней, — медленно проговорил Иванов. — Верно, кое-что есть в сарае предателя Зимина. Туда немцы после боя трофейные винтовки сложили. Но как их взять? На дверях замок, а перед домом день и ночь часовой ходит.

— Этот сарай я хорошо знаю, — с жаром заговорил Немков. — К задам у него окошечко есть. Взрослому не пролезть, а малец, пожалуй, проскользнет.

— Что же ты предлагаешь?

— Взять на это дело Мишу...

— Надо прежде с Ниней Павловной посоветоваться. Без ее согласия Мише ни слова.

...НОЧЬ была светлая. Редкие облака лишь на несколько минут закрывали диск луны и вновь спешили куда-то на восток. Порывистый ветер с силой ударялся о деревья и кусты, гнул их к земле, приглушенно шумел листвою.

Вдоль забора к сараю осторожно крались Немков и Миша. Высокий, плечистый Александр перед шупленьким мальчиком казался сказочным богатырем. Они шли бесшумно. Сырая от недавних дождей земля скрывала шорохи.

Еще днем, когда немцы пьянствовали, Немков выдал слабо державшуюся раму в окошке сарая, но оставил ее на месте. И теперь раму можно было снять без шума.

Вот и сарай. С противоположной стороны около окон дома, где разместились немцы, методически вышагивал часовой. Когда он выходил из-за угла, Немков и Миша видели его неясный, расплывчатый силуэт. Выждав, когда очередная тучка закрыла луну, Александр бесшумно снял раму и в следующий момент в темное отверстие окна просунуло свое тело Миша. Вскоре из окна показался ствол. Немков принял винтовку, отложил в сторону. Вторая, третья...

Время тянулось томительно долго. Наконец, в окне показалась голова мальчика. "Все", — тихо прошептал он.

К утру все оружие было тщательно укрыто в тайники, далеко от деревни.

— Хорошенько запомни это место, Михаил, — как взрослому, сказал Немков. — Возможно, ты и будешь передавать наш подарок партизанам.

(Продолжение следует)

Павел Афанасьевич Васькин.

Народ не забудет
своих героев

(Продолжение.)

Начало в № 25)

Озеро было беспокойным. Крупные волны с шумом ударялись о берег, обдавая ноги мальчика брызгами воды. Рыба клевала плохо. Но Миша терпеливо сидел с удочкой на берегу. Пошел второй час. И когда за спиной мальчика неожиданно раздался мужской голос: «Давно рыбачишь, рыбак?», Миша вздрогнул, оглянулся.

Перед ним стоял широкоплечий, невысокого роста мужчина, открытое, волевое лицо которого дружески улыбалось. А большие серые глаза смотрели на Мишу тепло, по-отцовски.

— С утра потягиваю, — быстро произнес пароль мальчик.

— Ну, Миша, что ты мне принес? — спросил мужчина.

Миша торопливо отвернул патрон, который был надет на удочку вместо

рукоятки, вынул палочкой из него записку и протянул ее Васькину. Тот аккуратно разгладил памятный листок, про себя стал читать:

«Сообщаем, что в Городцы прибыло несколько танков и три танкетки, которые двигаются к Шимску. В Волоте 500 немцев и около 100 автомашин. В здании льнозавода устроен склад боеприпасов... Движение немцев сейчас происходит от Руссы по дороге на Порхов. Род оружия — винтовки, автоматы и больше ничего нет... В дер. Сутоках стоят 50 человек, в Лужках — 25, в Мелочеве — 200 человек. В Старорусском районе стоят в деревне Чудиново 150 человек... много немцев во Взглядах, Горках... Поли-

ция вооружена только винтовками, гранаты стали появляться, а раньше не было...»

— Спасибо, Миша, за сведения, — погладив по голове мальчика, проговорил Васькин. — А теперь дай твою торбу.

Павел Афанасьевич сунул в сумку две пачки листовок. Сверху положил несколько больших ломтей хлеба и куса три сала.

— Ну, а теперь спрячька этот листок, — сказал Васькин, протягивая Мише записку. — Передашь все Немкову. За винтовки большое спасибо от партизан. Но передай, чтоб без моего согласия больше не рисковали...

НА ФРОНТЕ бои становились все ожесточен-

нее и упорнее. Да и в тылу партизаны активизировали свои действия, они не давали покоя врагу ни днем, ни ночью. Уже в сентябре — ноябре 1941 года второй бригадой новгородских партизан, которой командовал Николай Григорьевич Васильев, было освобождено более 300 деревень. В тылу немецких войск из освобожденного Белебелковского, частей Поддорского, Дедовичского и Ашевского районов образовался Партизанский край. Это давало возможность бригаде выполнять задание штаба фронта по систематическому нарушению важных коммуникаций противника, питающих его части, действующие на фронте. Край также был хорошим плацдармом для возможной десантной операции крупного масштаба.

В. МИХАЙЛОВ.

ПОДПОЛЬЩИКИ

Фашисты серьезно встревожились. Они прекрасно понимали, что неотразимые удары партизан — прежде всего отлично налаженная разведывательная работа.

Да и налеты русской авиации на поселок Волот, где днем был разбомблен штаб немецкой дивизии; точная бомбежка солдатских казарм в Дно, после которой несколько дней пришлось таскать убитых солдат из-под обломков; появление советских листовок почти в каждом населенном пункте — все это говорило о деятельности большой, хорошо законспирированной подпольной организации.

Военное командование и тайная полиция сбились с ног, ища след разведчиков, но все было тщетно. Большие надежды возла-

гались на резидента фашистской разведки Мановского, который для маскировки был назначен начальником Волотовской управы. Этот иуда, установив в каждом селе свою агентуру, как паук ждал сигнала о подполье, но его... не поступало.

Крушение военного эшелона на разъезде Мяково окончательно взбесило немцев. В Волот срочно был направлен карательный отряд, а затем прибыл и зондерфюрер Краузе. Он немедленно пригласил к себе командира карательного отряда оберлейтенанта Шпицке, Мановского и начальника местной полиции Молоткова. Их решение уложило в несколько строк: «... Следить за каждым человеком... Всех подозрительных расстреливать...»

(Продолжение следует)

Редактор В. ЛУКИН.

ПОДПОЛЬЩИКИ

(Продолжение.
Начало в № 25, 26)

ПРИБЛИЖАЛАСЬ годовщина Октября. Подпольщики готовились торжественно ее отметить. За три дня до праздника в Соловьево, Должино и других деревнях были расклеены листовки, в которых сообщалось о положении на фронтах. В конце говорилось: "... Патриоты! Отпразднуем славленную дату Октября, и пусть трепещут фашисты и предатели от нашего единства!"

Нина Павловна готовилась выступить на собрании крестьян в Должино. Она волновалась, как перед своим первым уроком.

— Главное, чтоб речь была краткой и подкреплялась доходчивыми фактами, — подбадривали ее товарищи.

Просторный дом на окраине деревни был полон народом. Вытягивая шею и привставая на цыпочках, люди смотрели на говорившую Нину Павловну.

— ... Мы построили новое социалистическое государство и хорошо жили, пока коварный враг не пришел на нашу землю... Фашисты хотят растоптать и уничтожить все наше самое светлое и радостное...

То, что она говорила, было выстрадано и ею, и теми, кто ее слушал.

— Так, именно так! — как бы говорили ей возбужденные лица жадно слушающих односельчан. Когда стихли аплодисменты, слово взяла Татьяна Ефремова.

— Предлагаю спеть «Интернационал», — сказала она и первая запела: «Вставай, пролятьем заклеимный...»

Все поднялись, в едином порыве подтянули.

СТАРОСТЕ Егорову не спалось. Не зажигая огня в доме, он тихо вышел на улицу. Пошел вдоль села. Вдруг до него неожиданно долетели слова песни. Пели хором. От неожиданности Егоров остановился, как чуткий пес повертел головой, точно принюхиваясь, и определив, что песня неслась из крайнего пятистенного дома, стал осторожно к нему подкрадываться.

От калитки к дому метнулся мальчонка. Он стукнул в окно и кинулся к задкам.

— Никак Мишка, сынок учительки? — подумал Егоров, открывая калитку. Перед самым носом старосты внезапно распахнулась дверь и из дома вышел Немков.

— Тебе чего надо?

— Поют здесь, — растерялся от неожиданности Егоров, — нельзя петь — запрещено...

— Это для тебя, гад ползучий, запрещено, — привинулся Немков вплотную к старосте.

«Убьет» — зная крутой нрав Немкова, трусливо подумал Егоров и заикаясь проговорил:

— Да я ничего, Саша. Только побереглись бы...

— Ну и убирайся отсюда, если боишься за свою шкуру!

Старосту от дома как ветром сдуло.

НА другой день ни в Соловьево, ни в Должино, ни в других деревнях люди на работу не вышли.

Рассвирепевший Шпицке лично выезжал в деревни с отрядом, чтобы плетью выгнать население на работу.

А через два дня поздно вечером часть парней и мужчин из деревень Должино и Соловьево ушла в сторону леса. Вел их Миша Васильев. Вернулся он домой глубокой ночью.

— Ответ? — спросила Нина Павловна у сына, вынимая из его карманов тугие пачки листовок.

— Да. Все в порядке, — усталым голосом ответил Михаил. — Командир предлагал и мне остаться в отряде, но я, мама, всегда с тобой буду...

Через несколько минут он лежал в постели, сладко посапывая во сне.

В ДОЛЖИНО у старосты Егорова остановился отряд волотовских полицейев. Пьяный гомон загудевших холуев был слышен далеко вокруг.

В доме Василия Еремеева тоже готовилась «пирушка». На столе стоял фырчащий самовар, несколько тарелок с жареной рыбой и бутылка с самогоном.

Собралось человек десять.

Последним в сопровождении двух товарищей пришел Васькин.

— Знакомьтесь, — представил он их присутствующим.

— Елизар и Павел — оба из Дновской группы.

Это вызвало веселое оживление.

— Ого! — заметил кто-то. — Наши и в соседних краях завелись.

— Как видите, — улыбаясь, подтвердил Елизар, подавая каждому свою большую закрубешную ладонь.

— Товарищи, — начал Павел Афанасьевич, — нам сегодня нужно создать подпольно — организационный совет. Я предлагаю организовать его из 7 человек...

Все согласились. Здесь же каждому члену организации закрепили для разведывательной и агитационной работы определенный участок: Василию Еремееву — разъезд Мяково и территорию Дергачевского сельсовета, Елизару Холмову — по Глухорушинскому и Крутецкому сельсоветам, Надежде Козниной — Горицкий и Взглядский сельсоветы, Александру Немкову — Должинский сельсовет и станцию Морино, Михаилу Тихову — Верхновский сельсовет...

Гостеприимный дом Еремеевых подпольщики по одному покидали уже за полночь. У Егорова же в это время в доме все еще горел свет и раздавались пьяные голоса полицейев.

НАСТУПИЛ 1942 год. Подпольная организация с каждым днем делала все увереннее и смелее.

Находясь в Верхновском доме у Михаила Тихова, Васькин писал отчет секретарю обкома Бумагину: «...За период с 1 декабря 1941 года по 10 января 1942 года проделана следующая работа:

1). Организована еще одна подпольная организация в Крутецком сельсовете Дновской район, в состав которой входит человек. Руководит этой организацией Климов Алексей. Кроме того, увеличен состав членов подпольной организации за счет патриотов Родины из 5 человек в Должинской...

2). Членами подпольной организации распространено среди населения агитационной литературы:

докладов о 24-й годовщине Октябрьской революции — свыше 300; листовок «Как немцы вербуют военнопленных красноармейцев в шпионы» — около 400, «Разгром немцев под Москвой» — около 100, «Вести с Родины» — свыше 200 экземпляров... Всего распространено листовок свыше двух тысяч экземпляров.

3). Проведены собрания и доклады, посвященные 24-й годовщине Октября. В 40 населенных пунктах. В них присутствовало около 1000 человек...

4). Все поступившие материалы по разведке... передаю в штаб бригады комбригу Васильеву и комиссару Орлову...

(Продолжение следует)

(Окончание.
Начало в №№ 25—28)

Народ не забудет своих героев

Товарищи! Это они расстреляли наших друзей, отомстите за них...

— Мы отомстим! — сурово проговорил стоящий вместе со всеми Павел Афанасьевич Васькин и, обращаясь к командиру, добавил: — Прошу разрешить мне участвовать в этой операции...

Штабом бригады была поставлена задача: уничтожить карательный отряд. Разведчикам срочно достать языка, узнать ночной пароль.

ПОЗДНО * * * ночью отряд партизан, переодетых в форму полицейских, подъехал на нескольких санях к Тюрикову.

— Стой, кто идет?! — раздался окрик часового.

— К пану Шпицке, — последовал условный пароль.

— Проезжай...

— А как к командиру попасть?

— Вон к тому дому... — часовой, не договорив, упал на дорогу, проколотый клинком в грудь. Партизаны поспешили к домам, где разместились немцы.

В. МИХАЙЛОВ. ПОДПОЛЬЩИКИ

КАРАТЕЛИ расположились в деревне, как у себя дома. Они верили в свою неуязвимость. И когда в деревне неожиданно раздался выстрел и взрывы противотанковых гранат, они в панике стали выскакивать из изб в одном белье. Расправа была короткой. Более 200 фашистов остались лежать на снегу, десятки их были взяты в плен.

На рассвете обоз в 63 подводы вышел из Тюриково. Это партизаны везли в свой край богатые трофеи.

ПАВЕЛ * * * Афанасьевич Васькин принимал участие и в других боевых операциях партизан. И везде показывал себя, как бесстрашного, решительного воина.

Погиб он героически. Это произошло в деревне Красные Горки. Васькин, Засорин, Воробьев, Иванов и Смирнов прибыли в эту деревню для организации

обоза с продовольствием для осажденного города Ленина. Дело шло успешно. Как вдруг нагрянул отряд карателей. Завязался бой. Окруженные со всех сторон врагами, партизаны отбивались до последнего патрона. Много было перебито в этом бою гитлеровцев, но и партизанам уйти не удалось. Остался жив лишь Семен Засорин. Он был тяжело ранен, окровавленный лежал около дома. Подбежавший каратель повернул его лицом вверх, заметив, что у раненого чуть дрогнула бровь, дважды в упор выстрелил в грудь.

Лишь на другой день подобрали разведчики безжизненное тело Засорина. А медики совершили чудо: они отстояли жизнь патриота, имевшего четыре смертельных раны.

ОТГРОХОТАЛА, * * * отшумела военная гроза. И не успело эхо этой грозы затихнуть на Западе, как страна принялась энергич-

но зализывать раны, нанесенные войной. Выросли из руин стройные и красивые города, зажелтели на пепелищах новым тесом дома колхозников.

Прошло еще несколько лет, и ничто не напоминало на русской земле о немецких захватчиках. Ничто, кроме памяти людей.

... Стройными рядами стоят пионеры Славитинской школы. Слышно, как председатель совета дружины докладывает старшему пионервожатому:

— Дружина имени Миши Васильева к торжественному сбору готова!

Миша Васильев... Образ его стал для всех новгородских школьников символом верности Родине, беззаветного мужества и героизма. И долго будет жить имя маленького подпольщика, зовущее светлым маяком всех пионеров на славные дела.

Каждую весну покрывается белой кипенью коллективный сад работников

Волотовского отделения «Сельхозтехники». Зайдите сюда и подивитесь нежной бело-розовой цветущей яблонь и вишен. На этом месте, где сейчас раскинулся сад, в феврале 1942 года были расстреляны фашистами подпольщики, отдавшие свою жизнь за наше светлое будущее, за нашу Родину.

А если проехать на машине по большаку через Волот и свернуть на юго-запад, то попадете в один из крупных колхозов, который носит имя Павла Афанасьевича Васькина. Каждый труженик этого хозяйства знает, чем им носит артель, и считает своим долгом трудиться так, чтобы оправдать имя подпольщика-коммуниста, ставшего здесь легендарным.

Нет, не стерлась в памяти советских людей та героическая борьба, которую вел наш народ в годы Отечественной войны. Не забыты имена тех, кто в тяжелое для Родины время мужественно боролся с врагом, твердо веря в победу.